

Художник Е. Станикова

Ёлы-палы

Юрий Иванов

ФАНТАСТИКА

Мерцающие пришли, как всегда, неожиданно, накатились, словно валуны с осыпи, придавили. Потянули болью — рывками, до дурноты. Голова пошла кругом, в глазах светлячки замельтешили. Чуть отпустило, и снова. Ох, придется помучиться! Приходят, когда захотят. Одно хорошо, что ненадолго, на дней — как пальцев на руке.

«Только вас мне не хватало, — подумала Пукки, присев от боли на корточки, — как нарочно, под переход подгадали. А то и правда, перейти нешто?»

Тихонечко так подумала, шепотом. Хоть на полдня во круг ни души не слышно, а все ж. На всяко — тихо.

На переход собираться нужно совсем молча, чтоб ни мыслишки единой! Не то учуют палы, нагонят, раздерут на лыко. Маленькие, а злые. Хорошо, если ёлы прибегут на шум — отобьют. Ёлы большие и сильные, палы их побаиваются. А если не успеют ёлы или не услышат, могут палы и насмерть задрать. Так у них заведено — чтоб другие не повадились. Чтоб. Или от обиды, что сами маленькие, — кто знает?

И ведь не станут рядить, с чего это несносная ёла перейти решила, — сразу драть! И не возмыслишь им, что самим-то вам почто такая ёла? Ведь ни один пал на бедную Пукки глаз не кладет! Ну и пусть Пукки белянку, пусть. Что ж теперь она не ёла, что ли, раз светловолоса? Чай, ей тоже охота. Нешто ей до смерти ходить беспалой? А потому и решила на переход, что несносная. С кого ей снестись-то! То-то и оно, что не с кого. Если только редкий гость забредет, северный пал...

Ох, не надейся на тот случай, ёла, при твоей жизни ни разу северный не захаживал!..

Пукки огладила живот, чтоб унялся. Послушался. Встала, дальше отправилась.

Как мерцающие уйдут, дней через — как пальцев на двух руках — переход и откроется. В самый короткий день, да и дня-то почти не будет — так, облизнет Ярko снег и спрячется. Надо успеть найти переходное дерево. А если повезет, то отыщет Пукки и потустороннего пала по себе.

Неёла Рина надумала как-то на краешек Пуккиного ума, что забавные те потусторонние. Счастливица Рина! Хоть и без глаза вернулась, подранная. А все ж — со сносенком. Считается в народе, будто понесла Рина от своего пала, как заведено. А может, и впрямь от своего — кто знает? Может, зря все Рининогo пала немощным считают? Удачница Рина, как промеж себя мыслят другие неёлы, не драные. Умница.

Вот и переходной день! Ярko высунул край из-за леса и спит глаза ёле. Ишь, как искрится снег! Насмеается над несчастной Пукки. На снегу все видать: и где ёла перешла, и где воротилась. Если повезет, вернется она след в след, миг в миг, как не переходила совсем. Да раз-

ве белянкам везет когда-нибудь? Неспроста же водится помысловка: «Не родись красивой, родись не сивой». Вот и насмеается снег, поэтому.

Тс-с! Тихо надо. Не думать, тс-с. Лучше поищем родственное дерево переходное.

Разлапистые стояли недвижно, покряхтывая под снегом. Много налипло со вчерашнего снеговала, да еще пристужило ночью — вот и кряхтят, колючки распушив, сбросить тужатся. Как раз, чтоб ёле перейти легче было, под напругой-то стволы лучше двоятся. Полствола тут, полствола там, только найти щелку, и — шмыг между! Ёлам дано.

А палы — нет, не могут, не видят потому что. И не ёлам тоже переходу нет. Мыслят бывшие ёлы, что будто ослепли они после сноса. Помнят, как раньше видели двоение, и забыли, ровно. А может, просто не хотят они его видеть — кто знает?

Оттого, может, и злятся они пуще палов, счастливицы. Уж неёлы точно насмерть задерут, если поймут на переходе! Благо, некогда им, со сносятами на руках не до ловли. Разве только неёла Рина драть не станет, потому как сама перехожица...

Вот это древо — в самый раз! Дугою ствол вытянулся. Видно, огибал другое большое древо, пока молодой был, к небу тянулся. Другое теперь сгнило, а дуга осталась. В самый раз. Почти на толщину ствола щель, издали заметно. Тут перейду, решила Пукки. Не думая, нутром решила. Тихо.

Прошла сквозь древо легко, только щеку об кору оцарапала. Спрыгнула на снег, огляделась-прислушалась. Никого.

Потянула носом — и тут как шибануло по уму страхом! Будто горелым болотом повеяло. Пожары ведь зимой не случаются, а тут — пахнет! Пригляделась в ту сторону, откуда запах идет, — вдалеке, в низине, ровная серая полоска меж деревьев виднеется. Каменная? Нет, слишком ровная.

Ярко обратно спрятаться не успел, голубит снег, полоску выдает. Палы в народе Пукки любят ровные места — полежать, посидеть, о своих неёлах поразмыслить меж собой. Может, и на этой стороне палы таковы же? Решила к полосе идти.

Оглядываясь да прислушиваясь, спустилась ёла к полоске. Та оказалась широкой и длинной. На такой несметное число палов может разместиться, куда больше, чем живет во всем народе Пукки. Нет, не для посиделок паловых эта полоса. И пахло от нее!

Ступила на темно-серое одной ногою. Твердо! Ступила второй, потопталась. Захолодило ноги, хуже, чем на снегу. «Пойду по ней, — подумала ёла, — а там видно будет».

Направилась по полосе, чуть подворачивая ступни набок, чтобы сильно не выстывали. Быстро шлось по ровному!

Немного и прошла-то, но Ярко уж скрылся совсем, только красное марево на краю неба осталось. Добрела до места, где полоса раздваивалась: короткая часть ее уходила в лес и тут же обрывалась. «Чудно! — подумала. — Странное оно, это потусторонье...»

Не успела так подумать, вдали слышался шум, будто шмель летит. Только шмель огромный, раз до него далеко, а слышно, будто он рядом! Забеспокоилась Пукки. А тут и вовсе страх пробрал: Ярко из-за леса стал обратно выкатываться, с той стороны, откуда шмель летел! Да будто заметался Ярко — то так посветит, то эдак.

Решила сойти в лес и спрятаться за деревьями, а там видно будет.

Тойво гнал машину резво, хотя занести на повороте могло запросто. Пусть резина на колесах стояла зимняя, но все равно, попадись наледь — и поминай как звали! А все женушка, зараза, нервов на нее не напасешься! Еле вырвался из дому. «Знаю тебя как облупленного, — кричала, — надеретесь опять с кумом, а потом пьяный за руль сядешь! А если останешься у Паули проспаться, что ж мне — одной Рождество встречать, что ли?! Детей-то не нажили».

Дура баба, ой дура! И ведь знает, что Паули остался один с двумя ребятишками, а к ним на хутор только почтальон изредка заезжает, одиноко живут. Надо же детей поздравить, и самого Паули тоже. Какое Рождество без подарков! Туда и обратно, всего-то на час делов, а зато радость какая малышам!

Наконец показался съезд к хутору. Тойво свернул с шоссе, остановился на спуске. Дальше полкилометра пешком. Или на снегоходе, как Паули добирается. И чего ему дорогу к хутору не доведут? И телефонную линию до сих пор не протянули. Ох уж эти власти!.. Слава Богу, теперь мобильная связь есть, чтобы поболтать с родней.

Тойво распрямился во весь свой двухметровый рост, выбравшись из приземистой легковушки, потянулся. Мешок с подарками лежал в багажнике. Достал. Поправил колпак. Ну, с Богом!

Пал попался сразу крупный, чуть пониже Пукки. Что это пал, ёла поняла по запаху. А еще раньше — по оглушительным мыслям, которые так и рвались из его головы, разлетаясь по всему лесу. Наверное, важные, раз он хочет, чтобы о них знали все? Но думы его оказались обычные — о своей неёле, которую он ругал за глупость и упрямство. «В точности как у нас! — Пукки так разочаровалась, что даже не укрыла свою мысль. — Видно, палы везде одинаковы».

Однако ёла не поняла, почему таким сильным палом помыкает та небольшая неёла. Ох, и надоела она ему, наверное! К тому же сносят так и не принесла. А тут и Пукки кстати!

Пал оказался не бурым, как в народе ёлы, а красным! Он вылез из страшного, пахнущего болотной гарью и ярко светящего глазами создания. Из задницы чудища он достал большой, тоже красный мешок, забросил его на плечо и пошел в сторону Пукки. Ёла обрадовалась, что пал уже заметил ее по опрометчивой мысли и хочет сделать своей новой неёлой! А в мешке, конечно, вкусное — отдать за ёлину любовь, как в народе Пукки принято.

Красных палов она прежде не встречала. Поэтому ей стало страшновато. Но она ведь за тем и перешла, чтобы пала найти! И Пукки решилась — вышла красному навстречу и послала сильный любовный призыв. Похоже, слишком сильный. Пал остановился перед ёлой, открыв рот, и замер. Любовный отзыв от него в ответ не пришел.

А ведь права неёла Рина — забавные тут палы! Вместо того чтоб одеревенеть от призыва в нужном месте, деревенеют целиком. А вдруг пал не так понял ее? Ёла непристойно развела руки в стороны и для верности покачала бедрами. Как делают бывалые неёлы, когда хотят пала. Нужное место у красного снова не отозвалось. Вместо этого изо рта его послышался сиплый стон. Пал попятился и упал спиной в снег.

Пукки подумала, что в потусторонье любят наоборот, и сама двинулась к палу. Однако тот не развел руки в стороны! Он отполз немного на спине, потом перевернулся и встал на четвереньки, задом к Пукки. Пал вел себя как ничейная неёла! Пукки даже засомневалась, не подвел ли ее нюх? Но тут красный заголосил так, что у Пукки заложило уши! Он сбросил красную шерсть с головы, отшвырнул мешок с вкуснотой и побежал к своему чудищу. Красный влез под крыло вонючему созданию, оно взревело, пукнуло дымом и умчалось по полосе туда, откуда пришло.

«И здесь не любят белянко!» — опечалилась Пукки.

С трудом проникла в мешок, боясь порвать. Ничего съестного там не оказалось. «Он даже не собирался меня любить, — взгрустнула ёла. — Наверное, тоже немощный, как Ринин пал».

Поразмыслила. Получалось, что неёла дала палу мешок. За любовь, не иначе. Наверное, тут, наоборот, неёлы благодарят палов, решила она. Может, потому и сбежал от нее этот Тойво, что она с пустыми руками его призывала, — кто знает?

Взвалила Пукки мешок на плечо, как держал его красный, и двинулась в ту сторону, куда направлялся до встречи с нею. Если встретится другой пал, теперь у ёлы найдется, чем его отблагодарить!

Тойво трясло. Он сидел за столом, не сняв наряда Санта-Клауса, и грязно напивался.

Полчаса назад он влетел как ошпаренный в дом, задвинул засов и принялся вливать в себя спиртное — без разбору, какое попадет под руку. Было ясно, что если его не остановить, то запасы алкоголя, приготовленные в расчете на все рождественские праздники, закончатся к утру.

— Я знала, что ты когда-нибудь допьешься! — отчитывала Тойво жена, не решаясь, однако, отнять у мужа бутылку. — Ишь, выдумал — белая обезьяна! Белая горька это, вот что я тебе скажу!

— Молчи, женщина! — Тойво влил в себя еще полстакана. — Эта образина была настоящая! Она вот так делала — не пойму зачем.

Тойво встал, развел руки в стороны и, пошатываясь, повалил бедрами.

— Старый ты кобель! — заплакала жена и ушла на кухню. Рождество было испорчено окончательно.

На холме угадывалось в сумерках какое-то нагромождение. Пахло оттуда непривычно — и как от волка, и как от лосихи, но не так, иначе. И еще оттуда шел свет.

Наверное, здешний народ просто не видит в темноте, догадалась Пукки и решила больше не бояться маленьких Ярко. Но все равно это место ее очень тревожило. Не будь она несчастной белянкой, ничем бы сюда не пошла!

Едва ёла приблизилась, ее учуяли животные и залаяли, как лисицы. Она долго внушала двум таким зверям спокойствие и сон. Получилось, теперь они спали. Надо же, столько сил потратила, а будет ли толк — это еще пальцем по воде писано! Да и есть ли тут хоть один пал?

Прислушалась ёла. Различила мысли сразу троих: двое сносят ссорились, один взрослый пал готовил для них еду и горевал о бывшей неэле. Почему та ушла от него, Пукки не поняла.

Ёла в растущей тревоге подошла к нагромождению вплотную. Из больших дыр в нем шло много света и доносились голоса сносят. Уж теперь-то ей должно повезти — этот пал оказался плодовитым и нестарым! И еще, увидела она в мыслях пала, его неэле была белянкой! Как Пукки. Это обнадеживало.

— Папа, пап! — Кайса подергала Паули за рукав. — А когда Санта придет?

Носик вздернутый, личико конопатое, глазки голубые, две светло-русые косички с праздничными бантами. Вся в мать, грустно подумал Паули, переворачивая на сковороде отбивные. Такая же нетерпеливая, как Лисса. Бывало, та как пристанет — лучше сразу согласиться, все равно своего добьется!

Санта, то есть Тойво, обещал прийти. Говорил, подарки принесет на Рождество. Даже костюм красный грозился надеть, все как положено. Задерживается. Или он уже начал праздновать и за руль решил не садиться? Нет, Тойво слово держит! Придет.

— Скоро, — ответил отец, прижимая локтем дочку к себе — руки жирные, а платице у Кайсы светлое, не испачкать бы! — Не успеем сесть за стол, как придет! — улыбнулся.

Кайсе восемь, она еще верит в Санту. Яри — уже нет, в десять лет мальчики почти взрослые, хотят походить на отца. Вон, рыжик по собственному почину уже и елку нарядил. Весь в меня, подумал Паули.

— Отец, — позвал сын из комнаты, — смотри, кто к нам пришел!

Кто-кто, Тойво, конечно. Наконец-то!

Паули подошел к сыну, глазевшему в окно. Прильнул к стеклу, отгородившись ладонью от отражения лампочки. Ого!

За окном и впрямь стоял Тойво с мешком подарков. Только на этот раз кум превзошел себя — не Сантой нарядился, а самим Йоулупукки! С головы до ног Тойво был одет в белую козлиную шкуру. Ну и правильно, сельские традиции забывать нельзя — так еще дед Паули учил.

— Одевайтесь! — скомандовал Паули детям. — Йоулупукки вам подарки принес!

Куда-то подевались очки. Ладно, не до них, решил Паули, набрасывая на плечи тулуп и нахлобучив лисью шапку.

Этот пал оказался небольшим и рыжеволосым. Какого цвета волос у него под сменной шкурой, Пукки узнает позже. А сейчас ее волновали сносят, которые радостно кричали голосом:

— Ёла Пукки, ёла Пукки с подарками!

ФАНТАСТИКА

Что ёла — понятно. Странно, как сносят узнали ее имя. Малыши, тоже в сменных шкурках, радостно скакали вокруг ёлы. Они чего-то хотели. Пукки не знала, как сделать, чтобы они угомонились. Стояла с мешком на плече, не двигаясь.

Пал подошел ближе. Пригожий какой! Немного подслеповат, но это не главное. У Пукки застучало в груди, как после подъема на скалу по осыпи. От пала веяло спокойствием и уверенностью. Этот, этот, поняла она!

— Ну что же ты, ёла Пукки, — обратился к ней пал, — где твои подарки? — Он указал рукой на мешок и подмигнул одним глазом. В народе ёлы подмигивание считалось приглашением к уединению. В той стороне, куда направлен мигнувший глаз. Получалось — в том пугающем нагромождении, из которого к ней вышли эти трое. Пукки с радостью согласилась бы пойти даже туда, но сносят...

Ёла сняла с плеча мешок и опустила на снег перед палом. Малыши тут же стали вытаскивать из него какие-то приятные для них штуки и смеяться. «Вот моя благодарность, люблю же меня!» — послала она призыв в сознание пала. Тот тряхнул головой и тихо прошипел:

— Тойво, дружище, ты уже набрался, да? Что за чушь ты несешь?

Пукки помнила, что пала в красной шкуре звали Тойво. Странно, она ведь совсем не похожа на него. И шкура у нее другого цвета.

— Вау, имитатор истребителя, — приплясывал рыженький сносёнок, — с имитатором перегрузок!

— Вау, кибернетическая Барби! — вторила ему беленькая сносёнка. — Она даже писать умеет, правда, пап?

Пукки не знала, как поступить. Этот умопомрачительный пал ее не понимал. Он щурил глаза и подмигивал, и ёла изнемогала в предвкушении. Один неверный поступок, и все могло пойти прахом!

И Пукки решилась! За такое в народе ёлы полагалась смерть. Но в потусторонье все по-другому — может, здесь не убьют. А хоть бы и убили! И она вошла в сознание пала...

— Яри, Кайса, — сказал Паули, — идите в дом, там рассмотрите свои подарки. А мы с дядей Той... с Йоулупукки прогуляемся до шоссе.

Дети помчались включать свои чудо-игрушки. «Молодец, Тойво!» — хотел сказать Паули и врезаться как следует куму кулаком в богатырское плечо! Но сказал совсем другое:

— Ты ведь не Тойво, ты... Лисса?

«Я Йоулупукки», — пришел ответ. Но голос... а голос ли?... голос был ее, Лиссы!

Они уже спускались по тропинке с холма к лесу, как-то незаметно удалившись от дома. Ощущение сказки

ФАНТАСТИКА

охватило Паули, он вдруг поверил в чудеса, как не верил никогда, даже в детстве. Лисса, Лисса вернулась! Те же светлые волосы, та же мягкая походка. Только ростом повыше стала. Ну что ж, бывает, выросла за два-то года!

— Э, нет! Йоулупукки — рождественский козел, — не согласился Паули. — А ты не похожа на козла. Да и я, признаться, ни за что не стал бы любить козла. Несмотря на два года воздержания. Ты — Лисса, да?

«Я буду Лиссой, — услышал он, — я буду, кем захочешь!»

Они уже шли по лесу, Паули обнял свою Лиссу за талию, охваченный вожделением, а та не противилась. Одно было непонятно, почему они уходят все глубже в лес, хотя надо бы наоборот, в дом. В постель надо.

— Господи, как жарко! — воскликнул Паули, остановившись. Сбросил на снег тулуп. Опустил на него любимую.

«А будет еще жарче», — пришел искренний ответ Лиссы. Правдивый ответ.

— Нет, Тойво, этого не могло быть! — Паули с трудом сдерживался, чтобы не рассмеяться в телефонную трубку. — Друг мой, снежных людей не существует! Надо меньше пить...

— Но ты же сам писал в своей монографии, что есть доказательства! Будь другом, Паули, скажи моей благоверной в трубочку, что ребятишкам подарки принес не я, а самка йети! — По взволнованному голосу Тойво чувствовалось, что утро выдалось для него не самым счастливым.

— Дорогой мой кум! Я скажу ей все, что хочешь, но ты ведь знаешь, что она не поверит! — Паули задумался, как бы разубедить друга. — И потом, с чего ты взял, что видел именно самку?

Тойво раздосадованно засопел в трубку. Да уж, с логикой не поспоришь. Но кум предпринял последнюю робкую попытку:

— Она так бедрами крутила... знаешь, как... как женщина...

— Э, брат! Теперь бедрами кто только не крутит! Ты, вот что... повинись-ка перед женой, что перебрал лишнего. Не в первый же раз, простит. И счастливого Рождества тебе!

Паули прервал связь. Оставалось дописать несколько строк в «Сайнс джорнал», и можно будить детей — солнце уже высунуло краешек из-за леса, пора им вставать.

«Тем самым признаю, что исследования материалов, свидетельствующих о существовании бигфутов, были проведены мной и истолкованы тенденциозно. Также заявляю, что проникновение таких существ в наш мир извне невозможно». Точка. Отправить. Письмо ушло в редакцию.

«Эх, Лисса, Лисса, — грустно покачал головой Паули, — как же мне одиноко без тебя! Не кори меня за вчерашнее, прошу. Пукки — она хорошая. И совсем одинокая. Да ты и сама видишь, сверху-то».

Вылупилась Пукки из древа удачно, след в след. А вышло ли миг в миг, потом выяснится. Только бы никого поблизости не оказалось!

Прислушалась. Ни души не слышно. Повезло!

И тут как деревом упавшим по голове — громкая мысль чужая! Ухнуло все внутри, вниз запросилось. Страх такой — хоть тут же опорожняйся!

«Вот я и толкую тебе, что перехода нет, а ты мне не верила!»

Обернулась Пукки — неёла Рина за спиной стоит, сносе́нка на руках держит! И как подкралась-то незаметно! Значит, миг в миг не вышло, иначе до перехода увидала бы Пукки неёлу.

Станет драть, не станет? Зубы вроде не скалит, и сносе́нок спокойный, спит. А мыслит Рина так, будто они с Пукки давно беседуют. Это чтоб палов обмануть, догадалась ёла.

«Верно, нет перехода», — подумала Пукки. Глянула на древо — и правда, не двоится оно! Не то переход закрылся, не то она теперь на сносях. Уже?

«Понесешь как все, от здешнего пала, — продолжала Рина громко. — Вон его следы, — показала она рукой на бесснежную горную осыпь, — пришел с севера, ушел на север. Я вас видела вдвоем».

Дуркует Рина, сказку для палов выдумывает. Эх, не видела ты, Рина, моего настоящего пала! — хотела подумать Пукки, но сдержалась. Прошедшая ночь в потусторонье еще жила в ней. Она сладко вздохнула.

«Он вернется? — спросила мысленно Пукки. — Северные палы редкие гости в наших краях».

Рина посмотрела на бывшую ёлу с пониманием. Рада за тебя, говорил ее уцелевший глаз.

«Бывает, что они возвращаются, — ответила, — либо ты сама искать его пойдешь. Если соскучишься».

Я соскучусь. Обязательно соскучусь, решила Пукки. Нутром решила, тихо.

Тс-с.

